

УДК 821.161.1-1+1(470)(091)

М. Возняк

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СПОРЫ ВОКРУГ ТВОРЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА В РУССКОМ
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ РЕНЕССАНСЕ**

В 1899 г., в юбилейном номере «Мира искусства», посвященном Пушкину, был опубликован короткий текст с простым названием «Заметка о Пушкине». Он начинается с анекдота о диалоге лакея Пушкина с молодым Гоголем. Автор «Ганса Кюхельгартена», узнав, что Александр Сергеевич спит в дневное время, предположил, что поэт всю ночь писал. «Нет, всю ночь играл в карты», – отвечает лакей, а автор статьи добавляет, что диалог этот «многозначен». И действительно, приведенный анекдот служит лишь вступлением к острому противопоставлению обеих авторов. На одной грани находится теперь Пушкин, на второй – Гоголь, а рядом с ним Лермонтов, Достоевский и Толстой. Это противопоставление сопровождается острым обвинением. Пушкин, согласно мнению автора статьи, является умом слишком трезвым, причем эта трезвость оценивается здесь отрицательно, как замкнутость для «пифийских дымов». Поэт и слишком трезвый, и строг, и – одновременно – слишком привязан к жизни и открыт к людям, слишком легок, если не поверхностен. Эта, казалось бы, внутренне противоречивая критика, совершается во имя нового видения искусства; искусства, которое серьезно толь-

М. Возняк, 2014

ко благодаря «пьяному», «пифийскому» вдохновению, которое дает ему глубину. Даже если признать Пушкина великим поэтом, то надо сказать, что он не дарит миру ничего нового; он *только* отражает действительность. Современность страдает проблемами, на которые Пушкин уже не в состоянии ответить; интерес к его творчеству имеет уже только исторический характер – это главные тезисы статьи, автором которой является Василий Васильевич Розанов.

Статья Розанова вызвала сильное возмущение. Против него выступил Владимир Соловьев, который отправил в редакцию «Вестника Европы» письмо («Особое чествование Пушкина») с критикой оценки Розанова и других авторов «Мира искусства», писавших по случаю юбилея Пушкина (кроме текста Розанова, Соловьев относится к статьям «Праздник Пушкина» Д. Мережковского, «Заветы Пушкина» Н. Минского и «К всероссийскому торжеству» Ф. Сологуба). С критикой Соловьева выступил Дмитрий Философов, редактор литературного отдела «Мира искусства».

Сознательно отказываясь от резюмирования всех моментов этой полемики, которая выходит за рамки философского восприятия феномена Пушкина, я хотела бы отметить в тексте Розанова прежде всего вопрос, перед которым задавались философы, писавшие об Александре Сергеевиче. Он касается проблемы современности, актуальности его творчества; это вопрос, на который в «Мире искусства» Розанов отвечает негативно.

Надо подчеркнуть, что сам Розанов в некоторой степени отступает от такой позиции. В этом же 1899 году он публикует полный положительных оценок, хотя довольно неоригинальный [9, с. 323] текст под заглавием «А.С. Пушкин» в «Новом мире», а через год – статью с многообещающим заглавием «Кое-что нового о Пушкине», в которой мысль автора о ненужности Александра Сергеевича меняется убеждением о свежести его взглядов.

В свете этой перемены тем удивительнее звучит замечание, сделанное Булгаковым на страницах «Света не вечернего»: «Солнечное явление Пушкина, радость и обетование русской культуры, ее духовный центр в первую половину XIX века мы ощущаем уже как

принадлежащее к иной исторической, а быть может, и космической эпохе, он относится даже не к отцам, но к дедам нашим. Пушкин явил собой чистейшее воплощение *поэта*, ясного, цельного в поэтическом своем самосознании, не знающего творческого раздвоения и трагического раскола. Но именно поэтическое самосознание Пушкина есть уже потерянный рай для нашей современности (напротив, к ней значительно ближе стоят и Гоголь «испепеленный», и Лермонтов, и Тютчев)» [3, с. 332].

Такая оценка Пушкина вытекает у Булгакова из его особого видения искусства как такового. Пушкин представляет собой минувший период развития искусства, в котором художник еще не осознавал еще его ограничений. Рай, о котором говорит здесь Булгаков, связан с неосознанием этих ограничений, которое уже преодолено искусством: и даже если эта перемена приводит к кризису, ее требует само призвание художника. Современное искусство чувствует трагический раскол между своими возможностями и идеалом вселенской Красоты. Чтобы «оказаться на высоте своего собственного служения», ему нужен возврат к религиозности, который не означает, однако, для Булгакова потери автономии и закрытие в пределах культа, а скорее открытие к области того, что религиозное, загорение «религиозным пламенем». Пушкин, подобно Гете, представляет собой искусство ясное, удовлетворенное самим собой в собственных пределах, не знающее софиургийной тревоги. Искусство требует софиургии, понимаемой как действие, совершаемое силой божественной софийности, которое устремляется к небу [3, с. 320] (Булгаков предлагает здесь разграничение софиургии и теургии, понимаемой как действие Бога через человека и в человеке; толкование этого понятия и разницы между концепциями Булгакова и Соловьева дано, напр., в статье Д.В. Гусева [4]).

Однако, если внимательно проанализировать «Свет невечерний», то можно заметить, что богослов и у Пушкина видит следы того трагического раскола, осознание неутоляемости тоски читателя Красоты. Булгаков обращается здесь к стихотворению «Три ключи», последние стихи которого выявляют, что «тоска изгнанника утихнет вместе с жизнью»:

Последний ключ – холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит. [10, с. 14]

Также в тексте «Жребий Пушкина» Булгаков повторит мысль о недостаточности только одной поэзии. Однако, в статье 1837-го года, философ смотрит на Пушкина уже с совсем другой перспективы. Ряд произведений, прежде всего Пушкинский «Пророк», показывает, что автор осознал высокое призвание творца. Но, как пишет Булгаков, Пушкин не справился с ним, в последних годах жизни «пророк ищет себе убежища в поэте» [2, с. 288]. Художественный талант Пушкина неизменно силен, но духовный источник его творчества высыхает. При этой строгой оценке Пушкина, как «падшего пророка», исчезает, однако тот аспект характеристики творчества Пушкина, которым дорожил философ, а именно его отдаление, его сугубо исторический характер. В конечном счете, Пушкин оценивается в обоих текстах как тот, кто придерживается «чистой поэзии», противопоставляемой религиозно вдохновенной софиургии.

Слова Булгакова ставят перед нами вопрос религиозности Пушкина и ее отношения к поэзии. Обращаясь к упомянутому выше В. Соловьеву и его письму к редакции «Вестника Европы», мы встречаем совсем другую оценку Пушкина. Выступая против мутности и языческого характера Розановских «пифийских дымов», Соловьев подчеркивает, что Пушкин, в отличие от Розанова и «оргиастов», одарен вдохновением сверху, от небес, «где свободная и светлая, недвижная и вечная красота» [14, с. 219].

Соловьев приводит здесь стихотворение «Когда владыка ассирийский...», сюжет которого рассказывает историю Юдифи и Олоферна, чтобы при помощи образа недостижимой крепости Ветилуя («дом Божий»), провозгласить Пушкинскую религиозность. При этом подчеркивается превосходство Пушкина, которое заключается в том, что он – в отличие от других – достигает этой небесной вышины вдохновением: «Гоголь и Достоевский всю жизнь тосковали по ней, но в писаниях их она является более делом мысли и нравственного сознания, нежели прямого чувства и вдохновения, притом главным образом лишь по контрасту с разными Мертвыми душами и Мертвыми

домами; Лермонтов до злобного отчаяния рвался к ней – и не достигал, а Толстой подменил ее „Нирваной”, чистой, но пустой и даже не белеющей в вышине» [14, с. 220].

Такая оценка вытекает у Соловьева с особой, совсем иной постановки вопроса взаимоотношений религиозности и поэзии вообще. В «Значении поэзии в стихотворениях Пушкина» философ защищает «чистую поэзию», выразителем которой является для него Александр Сергеевич. Поэзия не служит социальной программе или философским концепциям; всякая намеренность всегда оказывается для нее лишь вредна. Поэзия – дело вдохновения, и поэтический гений Пушкина заключается не в остроте его ума, а именно в открытии ко всему, что приносит с собой вдохновение. Автономию поэзии, и одновременно ее связь с нравственным идеалом, Соловьев видит в красоте: «поэзия может и должна служить делу истины и добра на земле, – но только по-своему, только своею красотой и ничем другим» [12, с. 46]. Оттуда заблуждение тех, кто хотел бы подчинить искусство широко понимаемой дидактике, так и тех, которые ставят красоту «по ту сторону добра и зла» – такая «новая красота», как с иронией называет ее Соловьев, красота «оргиастов», оказывается фальшью. Центральная часть статьи философа «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» посвящена анализу семи произведений: «Пророка», «Поэта» («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»), «Черни», стихотворения «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной»), «Моцарта и Сальери», «Эха» («Ревет ли зверь в лесу глухом») и «Памятника». Все они принадлежат к зрелому периоду творчества Александра Сергеевича и – по мнению автора «Общего смысла искусства» – являются особенно важными для понимания значения поэзии для Пушкина. Выводы этих анализов философ сводит к тому, что, несмотря на все различия и оттенки в отдельных произведениях, сущность вдохновения в том, что прекрасное есть по существу нравственно доброе: «... по мысли и внутреннему чувству Пушкина все значение поэзии – в безусловно независимом от внешних целей и намерений, самозаконном вдохновении, создающем то прекрасное, что по самому существу своему есть и нравственно доброе» [12, с. 90].

Эта связь между красотой и добром осуществляется, как объясняет Соловьев в «Общем смысле искусства», благодаря тому, что как красота, так и добро и правда, являются аспектами идеи; особенность красоты заключается, однако в том, что оно воплощает идею, преодолевая границу материального и нравственного [13, с. 398-399] [5, с. 313-314].

Совсем по-другому вопрос религиозности Пушкина разрешил Дмитрий Мережковский. В статье с простым заглавием «Пушкин» критик и философ воспекает соединение языческого и христианского начала в творчестве Александра Сергеевича как величайшее достижение русской литературы.

Мережковский одной из главных проблем Пушкинской поэзии считает противоположность культурного и первобытного человека: «Кавказский пленник», «Цыганы», «Галуб», «Евгений Онегин» (а также стихотворение «Мирская власть») – вариации одной и той же темы – отношения между натурой и культурой. При этом христианские ценности – в оценке философа – поэт видит лишь в дикаре: культура во всех этих произведениях влечет с собой преступление и закон эгоизма. Мережковский видит у Пушкина христианство Франциска Ассизского и первых христиан – простое, бессознательное, чуждое искусственной теологии, построенное на всепрощении и наивном целомудрии; это результаты уроков веры у русского народа: здесь связь с природой, требующая смирения. К тому же критик и философ цитирует высказывания А.О. Смирновой и друзей Пушкина, чтобы с помощью их свидетельства доказать истинную религиозность поэта.

Второе из начал, языческое, которое Мережковский определяет как стремление от небесного к земному, как совершенствование самого себя, заключено у Пушкина, как было уже сказано, в культе великих личностей, в отрицании толпы («Поэт и толпа», «Чернь»). Эти рассуждения философ связывает с критикой культуры, основанной на демократии, которая несет с собой буржуазный принцип корысти.

Таким же образом Мережковский оба эти начала в Пушкинской поэзии – и христианский, и языческий – соединяет в одно, видя их

суть в превосходстве природы над цивилизацией: «Христианская мудрость есть бегство от людей в природу, уединение в Боге. Языческая мудрость есть то же бегство в природу, но уединение в самом себе, в своем переродившемся, обожествленном „я”» [8, с. 131].

Оба этих пути – и воспевание героизма, и воспевание христианского милосердия – являются сходными в стремлении человека к чему-то высшему [8, с. 133]. В историческом развитии, в борьбе, по сути, это два направления одного и того же.

Именно сочетание двух начал: языческого и христианского Мережковский считает условием нового искусства, которое должно стать новым Возрождением: «присутствие и в различных степенях гармонии взаимодействие двух начал – нового мистицизма, как отречения от своего Я в Боге, и язычества, как обожествления своего Я в героизме» [8, с. 146].

Синтетическую тенденцию мы можем обнаружить также и у Семена Франка, который, кстати, знал работы Мережковского о Пушкине и выражался про них положительно (напр. в статье «О задачах познания Пушкина» [15]). Признавая первостепенную роль, какую играет религия в мировоззрении Александра Сергеевича, Франк отказывается от реконструирования какой-нибудь системы взглядов автора, считая, что такой подход в этом случае приводит всегда к ложной и искусственной односторонности. Согласно философу, можно только указать на главные мотивы религиозности Пушкина. Первым из таких мотивов является восприятие поэтом творчества и красоты в религиозных категориях. Франк утверждает, что для автора «Пророка» поэзия была «подлинным, религиозным откровением» [16, с. 390]. Именно с этим моментом Франк связывает протест Пушкина против утилитарно-морального использования поэзии. Религиозно воспринимается Пушкиным также красота, красота природного мира, а также женственная – как второй источник религиозного чувства, философ выделяет эротизм. Женская красота, как в стихотворении «К *** (Я помню чудное мгновенье...)», вызывает чувства чистые, вне страсти, и – что важнее – отсылающие к «иному миру» – к мысли о загробном мире и Божеству (напр. «Вспомина-

ние» в рукописной редакции, «Бедный рыцарь»). Третьим мотивом, с которым связана Пушкинская религиозность, является домашний очаг, «пенаты». Их культ, как пишет Франк, связан с «духовным восприятием сосредоточенности и уединения» [16, с. 392]; здесь упоминаются такие стихотворения, как «Труд» («Миг вожделенный настал»), «Домовому», «Разлука» или «Еще одной высокой, важной песни...». С домом и родиной связывается мотив укоренения личности в прошлом, в «любви к родному пепелищу и отечественным гробам» («Два чувства дивно близки нам...») – в связи с этим мотивом Франк упоминает даже понятие соборности, а также мысль Николая Федорова. Последним из мотивов Пушкинской религиозности является мотив духовного преображения личности, связывающий то, что нравственное и то, что религиозное. Он выражается в идее очищения души, очищения, снисходящего к особенному аскетизму, который, однако, «не содержит в себе ничего мрачного и ожесточенного» [16, с. 395]; наоборот, он очень близок к смирению и покорной любви к миру. Франк упоминает в этом фрагменте стихотворения «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла», «Воспоминания в Царском Селе», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), а также неоконченный набросок о душе «чистой, печальной и спокойной» (об истории этого наброска смотри напр. у С.М. Бонди [1, сноска к с. 24]). Появляется здесь цитата о «светлой печали» (из стихотворения «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла»), мысль о которой Франк развивает в статью с таким же заглавием.

Надо подчеркнуть и то, что философ стремится также указать эволюцию религиозности Пушкина – от юного атеизма, через начинающееся с 20-х гг. углубление духовности, к напряжению религиозного настроения в конце жизни. Философ анализирует ранние произведения и свидетельства, такие как напр. лицейские стихотворения или известное письмо из Одессы от 1924 г., стараясь – не отрицать убеждения об атеистических взглядах молодого поэта – обнаружить и здесь просветы религиозного настроения. Он пытается также интерпретировать по-новому кощунства Пушкина, такие как, например, «Гавририада», понимая их как «типично русскую» склонность скрывать свои

глубокие и ценнейшие переживания под маской грубости и цинизма. Все анализированные элементы Пушкинского религиозного жизнеощущения подводят в зрелом этапе жизни поэта к осознанию главных мотивов христианства, которые Франк отождествляет со смирением и любовью. Таким образом, как пишет философ: «Языческий, мятежный, чувственный и героический Пушкин (как его определяет К. Леонтьев) вместе с тем обнаруживается нам как один из глубочайших гениев русского христианского духа» [16, с. 395].

В последние годы наблюдается расцвет интереса к русскому религиозно-философскому ренессансу, связанный с появлением в России новых материалов. На волне этого интереса возникает и вопрос о философских высказываниях представителей этого периода, посвященных литературе, в том числе и феномену Пушкина. Эти материалы исследуются с различных точек зрения: как вид литературной критики и в плане философском (см. напр. статью А.В. Хрусталева [17] и анализ посвященных Пушкину текстов Соловьева у Ян. Добешевского [5]); с использованием современных теорий интерпретации (напр. у Г. Монди [9]), и даже как источник новой методологии анализа текста (постулат воспользования философской интерпретации как новой методологии анализа текста выдвинула, напр., С. Кекова [6]). В своей работе, сознательно отказываясь от оценки достоверности, представленных русскими философами интерпретации, я хотела обратить внимание на динамику этой интерпретации и ее место в целостности философской системы. Свое внимание я сосредоточила на философии искусства анализированных авторов. Не подвергается, однако сомнению, что их восприятие и оценка Пушкина связана также с другими элементами их мировоззрения – напр. синтетическая направленность Франка близко связана с его концепцией антиномистического монодуализма как подхода познания непостижимого путем единства противоречий, а оценка языческого начала в творчестве Пушкина у Мережковского близка к его убеждениям о необходимости преобразования христианства и культу плоти [7, с. 90-92].

Пример Розанова и Булгакова показывает, что среди русских философов оценка Пушкина не всегда являлась однозначно положи-

тельной. Надо подчеркнуть, однако, что даже у Розанова и Булгакова этап их убеждения в неактуальности поэта является лишь временным: позднее оба философа не скрывают серьезного внимания к содержанию Пушкинских произведений (см., напр., «Кое-что нового о Пушкине» Розанова и «Моцарт и Сальери» Булгакова). Я уверена, однако, что нельзя оставить эти взгляды без анализа, так как они объясняются более широкой концепцией сущности искусства.

Анализируемые споры вокруг Пушкина являются показательными для эпохи русского религиозно-философского ренессанса. Проблема актуальности творчества Александра Сергеевича плавно переходит в ней в более общий вопрос роли искусства, непосредственно связанный с проблемой связи между искусством и религией. Осмысление этих взаимоотношений в художественном произведении, в том числе и в творчестве Пушкина, было особенно важным для представителей этого периода, являющегося периодом переоценки эстетических ценностей и возрождения религиозной мысли.

Литература

1. Бонди С.М. Черновики Пушкина: Статьи 1930 – 1970 гг. / С.М. Бонди. – М.: Просвещение, 1978. – 231 с.
2. Булгаков С.Н. Жребий Пушкина / С.Н. Булгаков // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. [Сост., вступ. ст., библиогр. справки Р.А. Гальцевой]. – М.: Книга, 1990. – С. 270-294.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 416 с.
4. Гусев Д.В. Теургия и проблема самоопределения личности в творчестве С.Н. Булгакова / Д.В. Гусев // Булгаковские чтения: I Международная научная конференция (памяти С.Н. Булгакова): сборник научных статей. – Орел: Издательство ОГУ, Полиграфическая фирма «Картуш», 2007. – С. 31-40.
5. Dobieszewski J. Włodzimierz Sołowjow. Studium osobowości filozoficznej. – Warszawa, 2002.
6. Кекова С.В. К методологии духовно-эстетического анализа поэтического текста: С.Л. Франк о литературе / С.В. Кекова // «Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XLVIII». – Херсон, 2010. – С. 39-48.

7. Mazurek S. Rosyjski renesans religijno filozoficzny. Próba syntezy. – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Filozofii i Socjologii PAN, 2008. – 270 s.

8. Мережковский Д.С. Пушкин / Д.С. Мережковский // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. [Сост., вступ. ст., биобиблиогр. справки Р.А. Гальцевой]. – М.: Книга, 1990. – С. 92-160.

9. Мондри Г. Как Василий Розанов читал и понимал Пушкина (О субъективности восприятия) / Г. Мондри // Пушкинские чтения в Тарту. – Тарту, 2000. – Вып. 2. – С. 322-330.

10. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах / А.С. Пушкин. – Т. III. – М.: Гос.изд-во художественной литературы, 1960 – 542 с.

11. Розанов В.В. Заметка о Пушкине / В.В.Розанов // Мир искусства. – 1899. – №13-14. – С. 1-20.

12. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина / В.С. Соловьев // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – [Сост., вступ. ст., биобиблиогр. справки Р.А. Гальцевой]. – М.: Книга, 1990. – С. 41-91.

13. Соловьев В.С. Общий смысл искусства: В 2-х тт. / В.С.Соловьев – М.: Мысль, 1988. – Т.2. – С. 390-404.

14. Соловьев В.С. Особое чествование Пушкина / В.С. Соловьев // Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – С. 213-222.

15. Франк С.Л. О задачах познания Пушкина / С.Л. Франк // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – [Сост., вступ. ст., биобиблиогр. справки Р.А. Гальцевой]. – М.: Книга, 1990. – С. 422-452.

16. Франк С.Л. Религиозность Пушкина / С.Л. Франк // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – [Сост., вступ. ст., биобиблиогр. справки Р.А. Гальцевой]. – М.: Книга, 1990. – С. 380-396.

17. Хрусталева А.В. Символизм в восприятии М.О. Гершензона и С.Л. Франка (о нерешенных вопросах теории литературной критики) / А.В. Хрусталева // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания, 2012. – №2. – С. 179-184.

Анотація

М. Вольняк. Естетичні дискусії навколо творчості Олександра Сергійовича Пушкіна в контексті російського релігійно-філософського ренесансу.

Стаття присвячена полеміці навколо проблеми актуальності творчості О.С. Пушкіна, які виникли між представниками російського релігійно-філософського ренесансу. Ця проблема безпосередньо пов'язана з загальними естетичними спорами цієї епохи, насамперед з питанням взаємин мистецтва і релігії. Починаючи з яскравої критики В.В. Розанова і переконання С.М. Булгакова в приналежності Пушкіна до минулого періоду мистецтва, текст передає головні моменти полемічної до поглядів обох авторів позиції В.С. Соловйова, який підкреслює релігійний початок у творчості Пушкіна. Оцінка творчості поета у аналізованих авторах пояснюється загальними концепціями ролі мистецтва. У статті вказується також на тексти Д.С. Мережковського і С.Л. Франка, які стосуються проблематики релігійності Пушкіна. Перший з них головним досягненням поета вважає синтез християнського і язичницького початків, а другий намагається назвати головні мотиви, які з'являються в релігійних творах Пушкіна.

Ключові слова: російський релігійно-філософський ренесанс, О.С. Пушкін, мистецтво, релігія.

Аннотация

М. Вольняк. Эстетические споры вокруг творчества Александра Сергеевича Пушкина в русском религиозно-философском ренессансе.

Статья посвящена полемике вокруг проблемы актуальности творчества А.С. Пушкина, которые возникли между представителями русского религиозно-философского ренессанса. Эта проблема непосредственно связана с общими эстетическими спорами этой эпохи, прежде всего с вопросом взаимоотношений искусства и религии. Начиная с яркой критики В.В. Розанова и убеждения С.Н. Булгакова в принадлежности Пушкина к минувшему периоду искусства, текст передает главные моменты полемической к взглядам обоих авторов позиции В.С. Соловьева, который подчеркивает религиозное начало в творчестве Пушкина. Оценка творчества поэта у анализируемых авторов объясняется общими концепциями роли искусства. В статье указывается также на тексты Д.С. Мережковского и С.Л. Франка, касающиеся проблематики религиозности Пушкина. Первый из них главным достижением поэта считает синтез христианского и языческого начал, а второй пытается назвать главные мотивы, которые появляются в религиозных произведениях Пушкина.

Ключевые слова: русский религиозно-философский ренессанс, А.С. Пушкин, искусство, религия.

Summary

Wozniak M. The aesthetic disputes about the work of A.S. Pushkin in Russian Religious and Philosophical Renaissance.

The author summarizes Russian Religious- Philosophical Renaissance discussion about how up to date and vital works of A.S. Pushkin are. The problem is connected with the aesthetic dispute of the period, especially with the question of relationship between art and religion. In the beginning the paper mentions V.V. Rozanov's harsh criticism of Pushkin and S.N. Bulgakov's belief that the poet's output belongs to the past. Then there is outlined an opposing opinion of V. S. Solovyov, who emphasizes the religious and spiritual aspect of the Pushkin's accomplishments. Both assessments of Pushkin's legacy are derived from the question of the role of art. D.S. Merezhkovsky's position is featured, quoting the Pushkin's main achievement as the synthesis of Christian and pagan elements, as well as S.L. Franks's list of main religious themes in Pushkin's works, e.g. religious perception of beauty, female beauty as well, or the idea of the importance of homeland.

Key words: Russian Religious and Philosophical Renaissance, art, religion.